

ПАНТЕОНЪ

РУССКАГО

И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

ЧАСТЬ I.

Редакторъ *Θ. А. Кони.*

Изданіе книгопродавца *В. П. Полякова.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

ГОГОЛЬ ВЪ МАЛОРОССИИ.

УЪЗДНАЯ БЫЛЬ.

I.

Какъ жаль, что я не художникъ! Какой вѣрной, отчетливой кистью изобразилъ-бы я задумчивыя лица двухъ знакомыхъ мнѣ путешественниковъ, которые въ это время, молча, сидѣли на ветхой софѣ, въ домѣ содержателя почтовой станціи. Я уловилъ-бы каждую, малѣйшую черточку ихъ печальныхъ физиономій, и такъ *вытукло* обрисовалъ-бы эту печаль, что, взглянувъ на лица путешественниковъ, вы тотчасъ угадали-бы причину ихъ печали: «всѣ почтовые лошади въ разгонѣ!»

Одинъ изъ моихъ героевъ былъ юноша лѣтъ двадцати двухъ, стройный, блѣднотлицый, въ стальныхъ очкахъ. Онъ сидѣлъ, склоня свое лице на правую руку, а лѣвую заложилъ въ боковой карманъ теплаго, дорожнаго сюртука. Товарищъ его, двумя или тремя годами постарше своего спутника, былъ еще пасмурнѣе. Онъ такъ уныло свѣсилъ къ груди голову, и такъ страшно нахмурилъ свои черныя брови, что, какъ двѣ капли воды, походилъ на одного знакомаго мнѣ актера въ ту минуту, когда онъ декламировалъ извѣстный всѣмъ моплогъ Гамлета «*Быть или не быть?*» Взоры этого путешественника были устремлены въ окно почтоваго дома, сквозь которое едва-ли что можно было увидѣть, потому что январскій морозъ расписалъ стекла своими фантастическими узора-

ми. Но онъ разрушилъ своимъ дыханіемъ нѣсколько цвѣточковъ пышнаго узора, протеръ стекло носовымъ платкомъ — и внимательно смотрѣлъ на проезжую дорогу. Путешественникъ этотъ держалъ въ зубахъ янтарный мунштукъ коротенькаго чубука, сплетеннаго изъ лошадиной гривы; хотя огонь въ трубкѣ давно погасъ, но онъ, порою, втигивалъ въ себя воздухъ изъ чубука и выпускалъ изо рта не струи табачнаго дыма, но паръ собственнаго дыханія: въ комнатѣ было довольно прохладно. Потомъ, онъ вдругъ всталъ съ мѣста, протеръ еще разъ платкомъ стекло — и смотрѣлъ... смотрѣлъ! Вотъ онъ приложилъ ухо къ окну, желая явственнѣе разслышать что-то... физиономія его выражала въ эту минуту радость и нетерпѣніе. Онъ отнялъ ото рта чубукъ и спросилъ своего товарища:

— Федоръ! слышишь?

— Что такое? проговорилъ блѣднотлицый юноша въ очкахъ, выведенный этимъ вопросомъ изъ своей задумчивости.

— Колокольчикъ! вскричалъ первый путешественникъ.

— Колокольчикъ! повторилъ его товарищъ — и оба они выбѣжали изъ комнаты на крыльцо.

И точно къ крыльцу подъѣзжала почтовая повозка, въ которой сидѣлъ мужичка, въ военной шинели.

— Ай-да хватъ! славно прокагиль! — сказала военный, вставая съ повозки, когда она остановилась передъ домомъ: — Вотъ тебѣ двугривенной на водку! прибавилъ онъ, подавая монету ямщику.

Ямщикъ снялъ шляпу, почесалъ затылокъ и молвилъ: «Мало, добродію! Ей-же то Богу мало!.. Кони бигли що есть духу... Будьте ласковы—прибавьте еще гривенку...»

— Послушай, ямщикъ! прервалъ его слова одинъ изъ моихъ героев — переплывшій: — не распрягай лошадей... мы сію минуту поѣдемъ... Насилу дождался: четыре часа сидимъ на станціи... Ну-же! выкладывай изъ повозки чемоданъ офицера — мы сію минуту ѣдемъ...

— Що вы кажете? Куда ихать? спросилъ его ямщикъ на своемъ малоросійскомъ нарѣчїи.

— Извѣство куда: на слѣдующую станцію — въ Гадячъ...

— Въ Гадячъ? — Та що се вы!.. Въ Гадячъ? — Та куды вамъ!.. Чи можно таки на сихъ коняхъ дѣхати до Гадяча: не доvezутъ!

— О, вздоръ! какъ илуде дѣдемъ!.. Даль не Богъ знаетъ какая: сорокъ верстъ... Ну же, проворнѣй! Вотъ тебѣ цѣлковый на водку!

— Ии, добродію! Не возьму и двухъ! Чего не можно, то не можно!

— Ну, сдѣлай же одожене! Если тебѣ мало одного цѣлковаго, я заплачу два...

— Не турбуйтея занапрасно! Подивитесь на коней—яки воды? вси въ мыль... Одно слово: не можно! Выбачайте, панове!

— Ахъ, ты хохоль сякой, такой!... закричалъ было раздосадованный путешественникъ, но товарищъ его, по видимому болѣе разсудительный, взявъ его за руку и сказалъ:

— Не горячись, мон снѣг! Онъ говоритъ правду. Ну, гдѣ этимъ измученнымъ клячамъ довести насъ до Гадяча? Да онъ на второй же верствѣ пристануть! Ужъ обождемъ еще часа три, четыре, пока онъ отдохнутъ: нечего дѣлать!

Они снова вошли въ комнату и мол-

ча сѣли на прежнія мѣста свои. Прихавшій офицеръ расположился въ другой, сосѣдней комнатѣ. Онъ съ досады что «лошади въ разгонъ» хватилъ три чарочки малоросійской *варенухи*, разостлалъ на лавкѣ свою шинель, положилъ полъ голову чемоданъ, легъ и уснулъ. Но не объ немъ рѣчь! Пускай почиваетъ, а я васъ, между тѣмъ, познакомлю съ моими героями.

Блѣднлицый юноша въ очкахъ былъ — *Оедоръ Блюдечко*. Товарищъ его прозывался — *Евгеній Ситечко*. Оба они служили въ канцеляріи полтавскаго гражданскаго губернатора, и оба принадлежали къ разряду «ученыхъ канцелярскихъ чиновниковъ», потому что какъ тотъ, такъ и другой при опредѣленіи своемъ на службу представили аттестаты на степень *дѣйствительнаго студента*. Они ѣхали теперь изъ Полтавы въ Роменскій уѣздъ: Блюдечко къ своей старушкѣ матери, Ситечко — къ своей вѣтхѣ, съ которой онъ не видался уже цѣлыя двѣ недѣли! Теперь причина его поспѣшности вамъ — должна быть очень понятна.

— Это ужасно! сказалъ Евгеній, выхоли изъ задумчивости. Это ужасно! повторилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, стоящему подлѣ него: четыре битыхъ часа ожидали лошадей — и, вотъ, опять должны ожидать столько же!.. Ахъ, онъ извергъ! Ахъ, онъ Іуда проклятый! говорилъ раздосадованный Ситечко, потчуя такими именами еврея, содержателя почтовой станціи.

— Да чѣмъ виноватъ Іуда, когда всѣ лошади въ разгонъ? замѣтилъ весьма справедливо Оедоръ Блюдечко. Что дѣлать?.. не горячись! Подождемъ... Больше ждали — меньше осталось! Посмотри, вотъ, ужъ часъ прошелъ незаметно, прибавилъ онъ, вынувъ изъ кармана часы и показывая ихъ съ утѣшеніемъ своему опечаленному спутнику: — черезъ три часа лошади отлохнутъ — и мы отправимся...

— Черезъ три часа? Шутка! Будто это скоро!.. Три часа! — И онъ снова началъ изливать свою желчь на бѣднаго еврея.

— Ты, право, страннѣйшій человекъ!

Конечно, кому пріятно сидѣть въ этихъ стѣпахъ, но стоитъ ли такъ горячиться изъ такихъ пустяковъ?

— Пустяковъ? Такъ ты считаешь пустякомъ, что я, по милости этого негодяя, сижу пять часовъ въ холодной комнатѣ, между тѣмъ, когда бы я уже могъ быть близъ моей невѣсты? Это у тебя пустяки?

— Днемъ раньше, днемъ позже: не все ли равно? Если бы не удасться намъ пріѣхать въ Гадячь, пріѣдемъ завтра... Одинъ день разницы—не велика бѣда!

— О, ты прекрасно рассуждаешь! Конечно, для тебя все равно: ты не знаешь любви.

— Не знаю? Ты такъ думаешь? спросилъ Федоръ, улыбувшись, и заумался.

Они замолчали... Евгений ходилъ по комнатѣ и мечталъ о своей невѣстѣ; Федоръ сидѣлъ, опустилъ руки въ боковые карманы сюртука и мечталъ... не знаю объ чемъ!

Черезъ два часа послѣ этого, герои наши приказали согрѣть самоваръ и, надеясь скоро отправиться въ желанный путь, весело прихлебывали чай изъ стакановъ и курили табакъ.

— Дорого заплатилъ бы я, чтобы узнать имя той хорошенькой незнакомки, съ которой я танцевалъ на вечерѣ у Бобровой! сказалъ Федоръ Блюдечко, мѣшала ложечкой сахаръ въ стаканъ.

— Ты все еще объ ней думаешь! Что нашелъ ты въ ней хорошаго? тонкая, какъ тростникъ и блѣдная, какъ смерть!

— Но эта блѣдность въ ней такъ привлекательна!... Эта дѣвушка напоминаетъ мнѣ *Адельгонду* Гофмана.

— Что за романическая голова! — Ужъ не успѣлъ-ли ты въ нее влюбиться?

— Не то, чтобы влюбиться—а такъ... Я имѣю нѣкоторое право думать, что она меня *замѣтила*...

— Это почему?

— Когда я танцевалъ съ ней мазурку—ты помнишь?—въ то время она была въ особенности хороша... Она такъ граціозно улыбалась, и такъ мило краснѣла, раз-

говаривая со мной... Румянецъ ея можно было уподобить розовому отливу на лепесткѣ лиліи... я говорилъ съ ней... не помню о чемъ я говорилъ съ ней, только помню, что крошечная рука ея нѣсколько разъ пожимала мою руку...

— Она кокетка!

— Она наивна, какъ дитя!

— Какъ-же ты не разузналъ, кто она такая?

— Вотъ поди-же! Никто не зналъ ея фамиліи: она недавно выпущена изъ пансіона и въ первый разъ привезена была на вечеръ къ Бобровой, вмѣстѣ съ другими пансіонерками... Впрочемъ, это одна глупость! прибавилъ Федоръ:—я ее скоро забуду... И къ чему же думать о ней, когда я, можетъ быть, никогда ея не увижу?... А жаль! Я чувствую, что могъ бы любить ее... Я не любилъ еще ни одной женщины...

Въ это время снова раздался звонъ колокольчика и герои наши снова выбѣжали на крыльцо, къ которому подъѣхала почтовая повозка.

— Лошадей! закричалъ мужчина, закутанный въ медвѣжью шубу, не вставая съ повозки. Эй, вы! кто изъ васъ содержатель стаяціи? спросилъ онъ, обращаясь съ этимъ вопросомъ къ ямщикамъ, выбѣжавшимъ поглядѣть на пріѣзжаго.

— Я!—сказалъ еврей, выступивъ изъ толпы. Онъ снялъ свою махнатую шапку и подошелъ къ повозкѣ. Всѣ лошади въ разгонѣ! Подождите немного, ваше благородіе! говорилъ онъ, произнося эти слова своимъ еврейскимъ выговоромъ.

— Мнѣ некогда ждть! — Я ѣду по *казенной надобности*!... Лошадей сію минуту! Деньщикъ! покажи ему мою дорожную!

Деньщикъ всталъ съ повозки и подалъ дорожную еврею; тотъ передалъ ее своему писарю, писарь объявилъ еврею, что пріѣзжій былъ полковникъ Н. Н., ѣдущій по *казенной экстренной надобности* въ городъ Харьковъ.

— Ой—бида! вси лошади въ разгонѣ! заговорилъ еврей.

— Я этого знать не хочу! — Лошадей! вскричалъ полковникъ.

— Что мнѣ дѣлать?

— Я тебѣ говорю по-русски: давай мнѣ лошадей, а не то спина твоя попробуетъ вотъ этого, сказалъ полковникъ, взявъ изъ руки ямщика плеть и показывая ее жиду.

— Вай-вай-вай! якъ се можно?

— Что? ты смѣешь еще грубить? — Вотъ я тебѣ научу въживости! — И полковникъ вставалъ уже съ повозки...

— Сейчасъ-зе, сейчасъ! Не трудитесь, все высокородіе! — будутъ лошади!

И еврей приказалъ ямщику впрягать въ повозку полковника тѣхъ самыхъ лошадей, которыя назначены были для моихъ героевъ.

— Вотъ истинно Божье наказаніе! воскликнулъ въ отчаяніи Евгений, ударивъ себя ладонью по лбу.

Федоръ не выдержалъ — и захохоталъ.

— Не сошелъ ли ты съ ума? спросилъ его раздосадованный Евгений: — чего ты смѣешься? Намъ приходится почевать въ корчмѣ, — такъ это тебя утѣшаетъ?

— Не сердись, mon cher! Я сперва также досадовалъ, а теперь ужъ наше положеніе кажется мнѣ смѣшнымъ, отвѣчалъ Федоръ.

— Нашелъ чему смѣяться!... Ну, ужъ, буду я помпить эту дорожку!... Да нельзя-ли панять лошадей въ какомъ-нибудь селеніи: я радъ заплатить двойную цѣну!

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Федоръ, ухватившись за эту мысль. Эй, ты! старичокъ! Какое это видно селеніе, — вонъ-вонъ, близко, гдѣ лымъ влюбится?

— Та то, вонъ не селеніе, воно соби-хутиръ! отвѣчалъ старикъ, курившій *тютюнъ* изъ *люльки*, сидя на *призбѣ*.

— Все равно! Нельзя-ли тамъ у кого нибудь панять лошадей, чтобы свезть насъ въ Гадячъ?

— Та ни, не можно! У кого тамъ возьмутца лошади... хйба у самага пана...

— А какой же тамъ панъ живетъ?

— Гнида.

— Такъ это его и хуторъ?

— Та ёго-жъ!

— Гнида! — незнакомая фамилія!...

Что же онъ занимаетъ какую-нибудь должность въ здѣшнемъ уѣздѣ, что-ли?

— Та, занимае-жъ.

— А какую?

— Звистно якую: *судья*!

— Послушай, Евгений! ты незнакомъ съ Гнидой? спросилъ Федоръ своего опечаленнаго спутника.

— Страшный вопросъ! отвѣчалъ Евгений, сквозь зубы: будто ты не знаешь? — Разумѣется, незнакомъ!

Герои наши возвратились въ комнату. Евгений съелъ и нахмурился, Федоръ расхаживалъ по комнатѣ и — страшное дѣло! — улыбался.

— Я нашелъ средство достать лошадей! сказалъ онъ, послѣ минутнаго размышленія, остановясь передъ Евгениемъ.

— Гдѣ? какъ? спросилъ его съ нетерпѣніемъ Евгений.

— Богатая мысль, братецъ, пришла въ голову! — Пойдемъ къ Гнидѣ... Сколько мнѣ извѣстна натура моихъ земляковъ... Ну, ужъ пойдемъ! По всемъ вѣроятіямъ, планъ мой долженъ выполниться! одѣвайся-ка!

— Вотъ дурь-то запала въ голову! — итти къ незнакомому челоуѣку... ну, зачѣмъ?

— Просить у него лошадей.

— Такъ вотъ это твоя мысль! Ты никакъ, мой милый, ума ряхнулся? Какъ-будто Гнида облизавъ снабжать лошадами каждаго протѣзжаго по большой дорогѣ? Такъ и вонъ тотъ офицеръ потащится туда же, съ такой просьбой... э, полно!

— Ну, ужъ, я за все отвѣчаю!... Планъ превосходный!... Сколько я могу судить, — я выручу для тебя лошадей... Вотъ пойдемъ!

— Да расскажи-же, что за исторія?

— Хорошо. Пойдемъ — дорогой все узнаешь.

Съ этимъ словомъ Федоръ пакнулъ на плеча Евгения его епотовую шубу — и черезъ нѣсколько минутъ галоши моихъ героевъ топтали снѣгъ, покрывавшій поля помѣщика Гниды. Федоръ рассказывалъ что-то и смѣялся, Евгений слушалъ его, улыбаясь и пожимая

плечами.—Отъ печальнаго къ веселому одинъ шагъ!... О, юность! юность!

II.

Во второй разъ жалю, что я не живописецъ! Дорого заплатилъ бы я за умѣнье изобразить на холстѣ слѣдующую картину, достойную кисти Теньера!—Представьте себѣ комнату чистенькую, свѣтлую; въ пей нѣтъ ни позолоты, ни мрамора: подлѣ стѣнъ стоятъ деревянныя стулья съ высокими деревянными же спинками, на которыхъ прихотливая рука мастера вырѣзала какія-то мудренныя арабески. Такихъ стульевъ вы не увидите нигдѣ, кромѣ Малороссіи. Кромѣ этихъ стульевъ, поставленъ диванъ, выкрашенный красной краской, застланный пестрымъ ковромъ домашней работы; на стѣнѣ виситъ огромная картина, изображающая малороссійскаго Гетмана, съ чупомъ на головѣ, одѣтаго въ синюю суконную свиту съ красными бархатными обшлагами. Онъ сидитъ, поджавъ ноги на привольномъ дугѣ Малороссіи, подлѣ тѣни въковаго дуба; въ рукѣ его *бандура*; онъ поетъ поэтическія пѣсни вашей родины, сопровождая звуки свои увылыми аккордами бандуры. На вѣтвяхъ дуба развѣшены его доспѣхи: кривая казацкаа сабля, лукъ, кочанъ со стрѣлами и гербъ его, изображающій вольнаго сына степей украинскихъ—неузвужаваго коня. Въ углу комнаты стоитъ въ нивотѣ, за стекломъ, икона чудотворной Ахтырской Богоматери, прижимающей къ сердцу Божественнаго Младенца; передъ иконою теплится лампала. Подлѣ оконъ стоятъ деревянныя подставки для горшковъ ерани, вадькомерин, душистаго горошка; а надъ окнами висятъ двѣ кѣтки: въ одной чиликаетъ чайникъ, въ другой пасвистываетъ свѣгирь.

Въ *грубѣ* тлѣетъ огонь; подлѣ огня грѣется старикъ почтенной наружности, держа въ рукѣ чубукъ изъ дикой черешни, съ перышкомъ вмѣсто янтара и глиняной трубкой съ мѣдной крышкой. Онъ подноситъ порою къ губамъ этотъ чубукъ и затягивается пріятнымъ ды-

момъ роменскаго табака, приготовленнаго на Батуринской фабрикѣ. На плеча старика надѣтъ, на-распашку, тулупъ изъ черныхъ *решетилловскихъ* барашковъ, покрытый сѣрымъ демикотномъ; на головѣ его бѣлый, вязанный колпакъ съ широкой висячей кистью.—Это хозяинъ комнаты—*Онуфрій Лукичъ Гнида*. Сѣрые глаза его, выражающіе такъ много добродушія, устремлены на тлѣющія искры огня, которыя погаса, одна за другою и превращались въ пепель.

Подлѣ Онуфрія Лукича сидитъ жепщина лѣтъ подлѣ сорокъ, въ ситцевомъ капотѣ, сверхъ котораго накинута казавейка, опушенная мѣхомъ сѣрой сибирской кошки. На носѣ ея вздѣты серебряныя очки, грубой работы. На колѣнахъ ея лежитъ огромная книга въ черномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками: это «Житіе Святыхъ». Она читаетъ поучительныя строки; между тѣмъ пальцы ея заняты вязаніемъ чулка. Это жена Онуфрія Лукича—*Степанида Петровна Гнидица*.

Тамъ, далѣе, за Степанидой Петровной, сидятъ подлѣ столика два мальчика здоровые, румяные и, аппетитно кушаютъ наши вареники, обмакивая ихъ въ густую сметаву. Это сыновья Онуфрія Лукича и Степаниды Петровны.

Подлѣ нихъ сидитъ на полу, поджавъ босія ноги, загорѣлая дочь Малороссіи, съ роскошными жепскими формами, съ черными жгучими глазами. Это служавка Степаниды Петровны, по имени *Гортишка*. Въ рукѣ ея гудитъ веретено, на колѣнахъ лежитъ тучный сѣрый котъ, мурлыча и умилно поглядывая на лакомое блюдо, которое кушаютъ мальчики.

Картина моя еще не вполнѣ кончена! Тамъ, въ углубленіи комнаты, стоитъ старинное, крошечное, сдѣланное изъ простаго дерева фортепьяно, которое правильнѣе слѣдовало бы назвать «гуслями». За фортепьяно сидитъ дѣвушка, лѣтъ шестнадцати. Дѣтское личико ея, отъенное густыми, каштанов-

выми волосами, заключало въ себя прелесть, невыразимую перомъ. Во всемъ этомъ иѣжномъ твореніи существовала та высокая гармонія, какою мы восхищаемся въ гениальныхъ созданіяхъ художниковъ - поэтовъ. Тѣло на лицѣ этой дѣвушки было такъ прозрачно, что можно было разсмотрѣть всѣ голубыя жилки, извивавшіяся по бѣло-мраморному челу ея и пѣжвымъ щекамъ. Особенно граціозно было лицо ея въ ту минуту, когда его оживляла улыбка и на щекахъ образовывались двѣ ямочки. А глаза ея, большіе, выразительные, черные глаза заключали въ себя столько пѣги, любви и мечтательности, обещали столько блаженства тому счастливицу, на чью грудь припадетъ такое изящное твореніе и кому промолвить: «люблю тебя!» Да, я увѣренъ, что Жуковский воображалъ такую именно дѣву, когда писалъ слѣдующія строки:

О, незабвенная! другъ милый! вѣчно милый!
Почто, повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ
ногамъ.

Почто, лобая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
Все въ жертву за нее! Вся жизнь мол предъ
вами!

Эта дѣвушка была дочь Онуфрія Лукича, — Олесія, которую родители обыкновенно называли *Осей*. Она теперь разыгрывала... Но послѣ объ ней; позволюте мнѣ еще поговорить съ вами объ ея отцѣ и матери. Славные старикъ и старушка: мнѣ жалъ съ ними разстаться!

Онуфрій Лукичъ, до сихъ поръ еще, почти влюбленъ въ Степаниду Петровну. Конечно, Степанида Петровна утратила много изъ своихъ прелестей: время начало уже серебрить ея черные волосы, вырвало у нея три зуба и провело нѣсколько морщинъ на ея лицѣ; но все это имѣетъ особенную прелесть для Онуфрія Лукича! — Эти морщины, эти посѣдѣвшіе волосы напоминаютъ ему о счастіи 25 лѣтней супружеской жизни, о той тихой, безмятежной любви, которую онъ нашелъ въ объятіяхъ Степаниды Петровны... Угодно ли вамъ знать какъ они проводятъ время въ

своей деревушкѣ? — Вотъ послушайте! — Поутру Онуфрій Лукичъ, въ тулупѣ и колпакѣ, входитъ въ спальню Степаниды Петровны, которая, уже помолвившись Богу, сидитъ за чайнымъ столикомъ. «*Добрую утра желаю вамъ, Степанида Петровна!*» говоритъ Онуфрій Лукичъ и цѣлуетъ руку жены своей. «*И вамъ того же, Онуфрій Лукичъ!*» отвѣчаетъ Степанида Петровна — и въ замѣль, цѣлуетъ руку своего мужа. Потомъ, они пьютъ чай съ густыми сливками и бубликами, усыпанными макомъ. — Здѣсь у нихъ обыкновенно происходитъ маленькій споръ: Онуфрій Лукичъ охотникъ до *пѣнокъ*, Степанида Петровна, зная это, собираетъ въ ложку всю пѣнку сливокъ и кладетъ ихъ въ стаканъ своего мужа. «Вотъ ужъ этого я не люблю!» говоритъ Онуфрій Лукичъ: — зачѣмъ же вы себя не оставили ни крошки? Ну, какой-таки смакъ въ сливкахъ безъ пѣнки? — Подвигите ко мнѣ вашу чашку: подѣлимся!»

— Та вкушайте! вкушайте! отвѣчаетъ Степанида Петровна: — вѣдь это ваше лакомство!

— Натѣ-бо, возьмите хоть половину!

— Та вкушайте сами! говоритъ Степанида Петровна и никакъ не соглашается подставить свою чашку. — Онуфрій Лукичъ, по-неволю, долженъ скушать свою любимую пѣнку.

Послѣ чаю они занимаютъ хозяйствомъ — Онуфрій Лукичъ по своей части, Степанида Петровна — по своей. Въ половинѣ двѣнадцатаго они обѣдаютъ. Послѣ обѣда отдыхаютъ на перинахъ часа два; потомъ снова хозяйничаютъ. По вечерамъ они или играютъ въ *дурачки*, или Степанида Петровна раскладываетъ грампасіансъ и загадываетъ: будетъ ли счастлива трефовая дама? Скоро ли выдетъ за мужъ трефовая дама? Много ли будетъ дѣточекъ у трефовой дамы?.. А полъ *трефовой дамой* Степанида Петровна всегда разумѣетъ дочь свою *Осею*.

И въ самомъ дѣлѣ, прелестное созданіе была эта *Осея*! Она теперь сидѣла за фортепьяно и разыгрывала пассажъ изъ оперы: *La muette de Portici*... То есть, я хочу сказать, что она имѣла

желаніе разыграть эту піесу, но фортепьяно издавало какіе-то дикіе, дизгармоническіе звуки. Ея ягра напоминала ту грубую музыку, подъ которую плясали духи во мракъ Валпургіевой ночи у Гёте. Эта музыка произвела несприятное впечатлѣніе на душу Онуфрія Лукича; онъ отнялъ ото-рта перышко своего чубука и сказалъ, мѣшая слова русскія съ малороссійскими:

— Полно-бо тебѣ, Осею, паигрывать отси пѣмедки штуки: запой-ка лучше... да только что-нибудь наше, родное, малороссійское!

Что же прикажете запѣть вамъ, папенка? спросила Осея.

А что знаешь, душко, то запой, только по-малороссійски!

Да я совсѣмъ отвыкла пѣть по-малороссійски... У насъ въ папсіонѣ все по русски...

— Вотъ то и скверно! своего кроваваго языка забывать не должно!.. Копечко, въ обществѣ, а паче при *мо-склаааааа*, надѣ говорить по русски, но въ своей семьѣ... Та будетъ ужъ вамъ читать, Степанида Петровна: закройте книгу, да послушайте вояъ, что запоетъ намъ дочка!

Я ужъ онокчила чтеніе, отвѣчала Степанида Петровна и положила книгу на столъ.

— Ну же, запой! запой!

Осея взяла нѣсколько аккордовъ изъ: «Віють витры»...

— Вотъ это такъ... понятно сердцу! проговорилъ въ восторгъ Онуфрій Лукичъ и свѣсилъ голову къ груди, приготовляясь слушать родимую пѣсню. Степанида Петровна сложила руки на груди и, улыбаясь, смотрѣла на дочь свою. Мальчишки оставили свои вареники и съ разинутыми ртами подбѣжали къ фортепьяно. Горпинка отложила въ сторону веретено. Въ комнатѣ водарилась тишина; даже котъ, будто понималъ въ чемъ дѣло, пересталъ мурлыкать. Среди такой тишины раздавался серебряный голосъ Оеси:

Віють витры, віють буйши, —
Ажъ деревья гнутьсь!
О, якъ болять мое сердце
Сами слезы льются...

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату, запылавшись, вбѣжалъ босоногій мальчишк, въ курткѣ изъ грубаго сукна: «Папе! папе! къ вамъ пришли гости... якіе-то два паныча...»

— Этакое ледащо! Вбѣжалъ, какъ оглашенный! сказалъ Онуфрій Лукичъ, сердясь на своего слугу, что онъ прервалъ пѣніе Оеси. Какіе тамъ панычи?

— Не знаю, папе!

— Вотъ дурень-то! Такъ поди же узнай ихъ фамилію... Вѣрно, кто-нибудь изъ моихъ канцелярскихъ!.. Охъ, служба, служба!

Слуга возвратился.

— Ну, кто? спросилъ Онуфрій Лукичъ.

— Той панычъ сказавъ, что его фамилія *Гоголь*..

— Какъ?

— Гоголь.

— Да ты не разлышалъ?

— Ей же Богу такъ: Гоголь!

— Откуда бы онъ взялся?.. Кому же, я съ нимъ не знакомъ!.. Ты, вѣрно, чертенокъ, перековсрналъ фамилію?

— Ни, папе! Ей же Богу, ни! Онъ мнѣ такъ сказалъ: «поди, мовъ, доложи своему барипу, что къ нему прихавъ — Гоголь».

Онуфрій Лукичъ видимо смѣшался.

Степанида Петровна замѣтила это, подошла къ двери, посмотрѣла въ замочную щель и сказала: точно, въ залѣ стоятъ какіе-то два незнакомые мужчины... Одинъ *тонкій, худощавый, блѣдполицый, въ очкахъ*...

— Такъ и есть! Онъ, какъ разъ! проговорилъ Онуфрій Лукичъ, взмахнувъ рукой. Вотъ коммисіа! Давай мнѣ скорѣе одѣватися! сказалъ онъ, проворно скинувъ съ себя тулущу и оставивши въ одномъ спальномъ бѣльѣ. «Да пѣть... сходи-ка сперва къ нему, да скажи, что баринъ, мовъ, очень радъ вашему посѣщенію и просить васъ пожаловать въ гостиную, пока опъ выдетъ... Смотри же мнѣ, не *набриши* тамъ чего нибудь своего... Такъ и скажи!»

— Ни, папе! я такъ и скажу. «баринъ, мовъ, очень радъ вашему посѣщенію и просить васъ...»

— Замолчи ужъ! Этакое ледащо! —

двухъ словъ не свяжетъ! Скажи ему просто: «пожалуйте, сударь, въ гостиную!» и только! Ни полслова болѣе! слышишь?

— Чую.

— Да не говори чую, а слышу!.. О, што за увалець! Оконфузить меня, бестія!.. Ну, ступай!

Мальчикъ вамѣревался уйти въ другую комнату.

— Постой! постой! закричалъ ему Онуфрій Лукичъ:— да ты съ босыми ногами!— Надѣвъ же сапоги прежде... да куртку застегивай... Вся грудь открыта... Вотъ чертенокъ!

Мальчикъ ушелъ.

— Эй, Горюшка! сказалъ потомъ Онуфрій Лукичъ:— подаймиъ сюртукъ... да не тотъ засаленный, что каждый день ношу, а новый, суконный, и жилетъ новый, и платокъ на шею новый... Вотъ пелегкая его принесла ко мнѣ... засталъ въ распахъ! говоришь онь, одѣвайся.

— Да кто жь это къ вамъ прѣхалъ, другъ мой? спросила испугавшая Степанида Петровна:— ужь, не ревизоръ ли?

— Эге! рассказывай: ревизоръ! тутъ такой прѣхалъ, что погрозишь еще твоего ревизора... Ревизоръ, когда естъ за что, погодиеть тебя въ судъ, при знакомыхъ людяхъ, да тѣмъ и кончится! А этотъ опишетъ тебя съ головы до ногъ, подмѣтитъ всю твою натуру: все поговорки, все ухватки, ничево не оставитъ въ покоѣ, до всей подноготной докапается; а потомъ перекреститъ тебя въ какого-нибудь *Тяпкина-Ляпкина*, да и предастъ печати на потѣху всего уѣзда... Да что? всей губернии!.. Да что? всей имперіи! Вотъ онь какалъ птица!

— Э! А какава жь онь птица? спросила Степанида Петровна, внимательно выслушавъ рассказъ мужа.

— *Сатирическій писатель.*

— Писатель?... Вишь какой!.. Ну, и онь челоуѣкъ опасный?

— Стало быть, что опасный! Вотъ... прошелшую зиму... когда я былъ въ Полтавѣ... Предводитель затасилъ меня въ театръ... Вошли... я сѣлъ въ кресло... музыка прогремѣла... открылся завѣсъ: гляжу—фу ты пропасть! знакомыя лица! Думаю, думаю, что за дьявольщина: по-

сценѣ рассказиваютъ не актеры, а наши дворяне? ну вотъ именно, наши Галячаве!.. Мушкетеры наши, походка наша, разговоры наши, все обращеніе наше... одинъ даже, изъ тѣхъ дьяволовъ меня передразнивалъ!..

— Такъ вы ужь лучше не показывайтесь ему и на глаза; замѣтила Степанида Петровна.

— Нельзя! теперь ужь поздно! А, впрочемъ, можетъ статья мы еще и постоимъ—таки за себя! не ударимъ лицомъ въ грязь! прибавилъ онь, застегивая на двѣ пуговицы свой новый сюртукъ, въ петлицѣ котораго висѣлъ Владиміръ 4 степени, а подлѣ него приколотъ была пряжка за XXX лѣтъ.

Онуфрій Лукичъ вошелъ въ гостиную. Предъ нимъ стояли наши герои, Евгеній Ситечко и Федоръ Блюдѣчко.

— Почитаю себя несказанно счастливымъ, что имѣю честь видѣть васъ, милостивый государь, въ моемъ домѣ! сказалъ Онуфрій Лукичъ, адресуя рѣчь свою къ Федору. Поручаю себя вашему знакомству и благорасположенію!

— Федоръ пожалъ его руку. Они сѣли на диванъ.

— Извините меня, что я васъ беспокоилъ, началъ потомъ Федоръ:— одна крайность заставила меня прибѣгнуть къ вамъ съ моей просьбой: товарищъ мой имѣетъ въ Ромнахъ одно весьма важное дѣло, не терпящее отлагательства...

— То есть, *экстренное*.. Такъ! А въ какомъ судѣ ваше дѣло обрѣтается? спросилъ съ участіемъ Онуфрій Лукичъ Евгенію.

— Евгеній покраснѣлъ и не зналъ, что отвѣчать. Федоръ приложилъ къ губамъ носовой платокъ, чтобъ скрыть свой смѣхъ. Онуфрій Лукичъ замѣтилъ это и разыскивая мысленно причину его смѣха, рѣшилъ: что слово «обрѣтается» было сказано имъ не кстати. Онь покраснѣлъ въ свою очередь и такъ поправилъ свой вопросъ:

— Въ какомъ присутствіи мѣстѣ ваше дѣло находится?

— Это... дѣло... проговорилъ наконецъ Евгеній:..

— Но, однакоже, требующее твоего ско-

раго присутствія! подхватилъ Оедоръ. Мы, какъ можно спѣшили ѣхать... И, вотъ, благополучно доѣхали до здѣшней станціи; но здѣсь, вѣдь, другъ...

— У васъ обломилась колеса или ось?

— Нѣтъ — *всѣ лошади въ разгонѣ!*

— А! понимаю! Эй, человекъ!

Въ гостиную вошелъ знакомый вамъ мальчишка, только ноги его теперь были обуты въ сапоги, куртка застегнута на всѣ пуговицы и волосы на головѣ присалены.

— Вели запрячь въ мою коляску шестерикъ гвѣдыхъ! слышишь?

— Чую... чи, -то-пакъ: слышу!

Онуфрій Лукичъ покраснѣлъ во второй разъ за недолгій отвѣтъ своего слуги.

— Помилуйте! — памъ довольно трехъ лошадей въ повозку... Мы привыкли...

— Чтобы я васъ отправилъ въ повозкѣ? Да за кого вы меня считаете?... Мы, Малороссіане, умѣемъ угощать своихъ гостей... а особенно своего народнаго сочинителя прибавилъ онъ въ полгодоса — и физиономія его выражала благородную гордость... Вы, я палюсь, раздѣлите хлѣбъ-солъ съ нами? Прошу покорно.

Въ другое время мнѣ было-бы пріятно, но теперь — дѣло моего товарища...

— Нѣтъ, ужъ позвольте намъ уѣхать...

— Но вѣдь какіе-нибудь два часа не сдѣлаютъ вамъ разницы... Притомъ, у меня лошади свежіи — мигомъ перепесутъ!... Подарите ужъ мнѣ часика два... Присутствіе ваше въ моемъ домѣ доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе... Я прикажу поспѣшить объѣдомъ.

Съ этимъ словомъ Онуфрій Лукичъ вышелъ изъ гостиной.

— А што? спросила его Степанида Петровна, когда онъ вошелъ въ ея комнату.

— Та-што! — Такая эгоза, что вотъ такъ и цѣпляется... такъ и придирается къ каждому слову! — Что ни скажу, а онъ, знай ухмыляется!... Раза два принимался было хохотать!... Въ особенности околупилъ меня тотъ чертенокъ! сказалъ Онуфрій Лукичъ, грозилъ пальцемъ своему слугѣ, который стоялъ подлѣ двери и ввязалъ чулокъ, чтобы не тратить даромъ времени. По-

стой! стой! я тебѣ намну чуприну, чтобы зналъ, какъ отвѣчать при гостяхъ: будешь поминать Гоголя!... Вы же пріодѣнитесь, душа моя! а въ особенности займитесь Оесей: онъ съ нами будетъ обѣдать!

О...? воскликнула Степанида Петровна.

— Да, съ нами... Нельзя!... Надо было его ублажить, а то онъ, — чего добраго! — распубликуетъ меня певѣжей, или, что еще хуже, скригой!

— Такъ поэтому для него и обѣдъ надо заказывать съ изнова?

— А что у насъ сегодня готовится?

— Борщъ съ потрохами, та молочная лапша, та лѣнныя вареники, та жареный индюкъ, та соусъ съ печенки, та соусъ съ картошки, та соусъ...

— Не-гарно! прервала ее Онуфрій Лукичъ, но ужъ нечего дѣлать!... Горничка! сбѣгай на кухню да прикажи еще изготовить кремъ, вафли и безѣ... А ты, чертенокъ, сбѣгай за лакеями, да скажи имъ, чтобы они явились къ столу всѣ до одного. Чѣмъ они теперь занимаются?

— Ячень молотятъ.

— То-то молотятъ! Скажи имъ во-первыхъ, чтобы они руки помыли... во-вторыхъ: чтобы сапоги у нихъ не были дегтемъ смазаны... въ третьихъ: чтобы сюртуки новые надѣли... Ну?

— Слышу!

— Однако, мнѣ пора въ гостиную, они тамъ одни.

Онуфрій Лукичъ взялся уже за ручку двери, намѣреваясь итти къ гостямъ, но вдругъ остановился и сказалъ:

— Вотъ славно: главное позабылъ сказать! — Смотрите-на, не подайте къ столу тѣхъ *экополныхъ* бутылокъ, въ которыя я разлилъ донское, а на ярлыкахъ надписалъ: *Го-Сотеришъ*... Боже сохрани! поставьте на столъ тѣ только бутылки, что съ печатными ярлыками!

И онъ ушелъ къ своимъ гостямъ. Между тѣмъ, какъ онъ рассказываетъ имъ о посѣвѣ хлѣба да объ устройствѣ своего паровика, я намѣренъ остановить ваше вниманіе на другомъ предметѣ.

Предъ овальнымъ зеркальцемъ, встав-

лепнымъ въ рамки ореховаго дерева, выкрашеннаго желтой краской, сидѣла паша прелестная Оеся, опустивъ къ груди голову. Стройнаа попка ея была поставлена на колыно Горпинки, которая, сидя на полу, завязывала баптикъ на крошечномъ башмачкѣ своей прелестной папочки. Оеся одѣта была въ бук-муселиновое платье яблочнаго цвѣта, внизу котораго чернымъ шелкомъ были вышиты дубовые листья съ желудями. Перелинка прикрывала ея молодую, возраждающуюся грудь. Вкругъ ея лебединой шейки обвивался узенькій галстухъ изъ чернаго лiонскаго бархата. Она была одѣта просто, но совкусомъ. Особенную грацію придавалъ ей этотъ черныи галстучекъ, отъбпяя матовую блѣдность тѣла, онъ придавалъ пчтѣ величественное, торжественное ея благородной физиономiи.

Степанида Петровна стояла подлѣ своей дочери и закалывала въ густой щипонъ ея каштановыхъ волосъ двѣ иммортельки, искусно сдѣлаппыя изъ лиловой тафтицы. Потомъ она отступила на шагъ, сложила руки на груди и съ заботливостью материнской нѣжности смотрѣла на любимое дитя свое.

— Ты надѣла бы на шею вмѣсто галстуха мои гранаты: такъ, кажется, будетъ лучше!... а? какъ ты думаешь, мое сердце?

— Э, маменька! къ чему? — И такъ будетъ хорошо!

— Конечно, при другомъ гостѣ все будетъ хорошо, какъ ни одѣться; но при *этакомъ*... Напугалъ онъ меня! Я, право, боюсь его!

— А чего же вы его боитесь, маменька?

— Какъ чего? онъ такой *критикантъ*: всехъ описываетъ!

— Пускай описываетъ! Будто я такая, въ самомъ дѣлѣ, глупая, что не понимаю, что мнѣ къ лицу и какъ мнѣ должно прилично одѣться?... Кажется, у насъ въ пансіонѣ...

— Такъ, сердце, такъ!... Однако же, что ни рассказывай — сочинитель!... книжки печатаеть!...

— Видала я и сочинителей, маменька! сказала Оеся, взмахнувъ своей бѣленькой ручкой, что можно было перевести такъ: меня уже никто и ничто не можетъ удивить: я ко всему равнодушна! — Я не боюсь его! сказала потомъ Оеся, произнося эту фразу какимъ-то рѣшительнымъ голосомъ: я уже была въ *болшоимъ свѣтѣ*!... Другіе же отшодъ не находили меня смѣшною... а можетъ статься, былъ кто и такой, что...

Она не досказала своей мысли; щечки ея слегка покраснѣли; она, вновь, свѣсила къ груди голову.

Степанида Петровна смотрѣла на нее въ молчанiи, потомъ подошла къ ней, потрепала своей рукой ея зарумянившуюся щечку и сказала: объ чемъ же ты призадумалась?

— Я? ни о чемъ, маменька!

— Ну, вотъ тебя я принарядила, теперь пора подумать и о себѣ! сказала Степанида Петровна и велѣла Горпинкѣ вынуть изъ шкафа свое гролетуровое платье, краснаго, сургучнаго цвѣта: это платье было самое парадное. Степанида Петровна надѣвала его только въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно: на праздникъ Рождества Христова, на Свѣтлое Воскресеніе, на именины Онуфрiи Лукича, да отправляясь въ гости къ такому сосѣду, за которымъ считается не менѣе ста душъ крестьянъ, или, по крайней мѣрѣ, пять *каковъ* земли. Она одѣлась въ это платье, помадила волосы гвоздичной помадой, надѣла на голову чепецъ, тоже парадный: съ огромными буфами и лентами цвѣта адекаго пламени, повѣсила на руку бисерный ридикюль, на которомъ съ одной стороны былъ изображенъ вязъ, обвитый плющемъ, а съ другой пастушекъ, играющій во рожокъ, у ногъ котораго лежали двѣ овечки. Въ такомъ парадѣ она намѣревалась предстать предъ глазами строгаго поэта. И минута эта наступила: въ комнату вошелъ Онуфрiй Лукичъ, съ веселой физиономiей.

— Ну что, готовы ли вы? спросилъ онъ, осматривая костюмы жены и дочери.

— Какъ видите, мой другъ! готовы!.. А у васъ что тамъ?

— Ничего!.. Теперь все шло хорошо! Разговорился!.. Весельчак!.. Самъ хохочетъ, и такіе преуморительные анекдоты разсказываетъ... Но только, что онъ за тонкая штука!.. У, что за тонкая штука!.. Представь себя: я спросилъ его, не приготовляеть ли онъ какой нибудь статейки? А онъ скорчилъ фигуру изумленія и сказалъ, что онъ отнюдь не сочиняеть, что онъ не нашъ «Гоголь-Сатирикъ», а такъ однофамилецъ... Хм! однофамилецъ! вишь, съ какой стороны хотѣлъ подѣхаты!

— А можетъ и впрямь однофамилецъ! Вотъ славно, когда падѣлаи такого шуму изъ пустяковъ!

— Ни-ни! меня не надуешь! Я съ двухъ словъ узналъ, что онъ Гоголь!.. съ одной улыбки: улыбается, вѣдь, какъ иначе! Представь себя челоуѣка, которому сильно хочется смѣяться, но онъ, изъ политичности, удерживаетъ свой смѣхъ: вотъ его улыбка! Я ту-же минуточку приметилъ, что въ улыбкѣ его есть уже что-то, этакое... такое... одно слово—гоголевщина!.. Однофамилецъ?.. Понимаю я, очень понимаю для чего ему хотѣлось быть у насъ инкогнито!

— А для чего жъ?

— Ну, для того, чтобъ я обращался съ нимъ не какъ съ писателемъ, а повольнѣй, за пане-брата, какъ съ простымъ дворяниномъ... слово за словомъ, да и пересказалъ бы ему все, что лежитъ на душѣ, не заботясь о томъ, чтобы выражаться прилично, по книжному, а такъ, знаешь, по вольности дворянства... А тамъ, глядя, онъ перекрестилъ бы меня изъ Гниды въ какую нибудь Землянику, и предаль бы *тисненію* весь разсказъ мой отъ словечка до словечка!

— Э!.. какое зелье!

— Да! поди ты съ нимъ: локъ!.. Всякаго скопируетъ... вылетѣтъ, какъ живаго!.. А вѣдь, полумаешь, гдѣ такой мудрости хватался?.. не издадека!—землякъ миргородскій!

— Миргородскій!.. Я думала, по крайней мѣрѣ, петербургскій...

— Однако намъ пора, ужъ подали на столъ! сказалъ Онуфрій Лукичъ, и они всѣ пошли въ ту комнату, гдѣ были наши герои.

— Рекомендую вамъ мое семейство! Это моя *супруга*, говорилъ Онуфрій Лукичъ, указывая на Степаниду Петровну. Она сдѣлала превизкій *книксель* и съ любопытствомъ устремила глаза на блѣдное лице Федора. «А это моя дочь!» прибавилъ онъ, указывая на Оесю. Героиня наша сдѣлала реверансъ, но какъ-то неловко... Вѣроятно, одна ножка ея зацѣпилась за другую, потому что она пошатнулась и принуждена была ухватиться ручкой за стѣну, чтобъ не упасть.

— Что съ тобою, Оesia?.. спросила ее удивленная мать.

Онуфрій Лукичъ, хотя былъ удивленъ этимъ не менѣе Степаниды Петровны, но онъ показывалъ видъ, будто не замѣтилъ такой неловкости своей дочери. Онъ покраснѣлъ только и проговорилъ въ пол-голоса: «Не называйте-бо ее теперь *Оесей*!.. Ну, называли бы ее *Оешкой*!.. что-ли!

— Что съ тобою, *Оешка*? спросила ее заботливая мать во второй разъ.

— Ничего, такъ... голова закружилась, отвѣчала Оesia и покраснѣлась, какъ калина.

Высокій лакей, въ длиннополомъ сюртукѣ, провозгласилъ что «кушанье подано».

Всѣ герои наши и героини ушли изъ гостиной въ столовую. Сѣли за столъ. Федоръ, по назначенію Онуфрія Лукича, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, подле Степаниды Петровны; противъ него сидѣла Оesia и смотрѣла... въ тарелку. Потомъ, изъ любопытства, что-ли, она взглянула на Федора... Случилось же, что и Федоръ смотрѣлъ на нее въ эту минуту... Взоры ихъ столкнулись... Оesia покраснѣла еще пуще и, неизвѣстно отъ чего, двѣ слезы, противъ воли ея, выступили изъ ея ага-товыхъ глазокъ; одна изъ нихъ повисла на ея разрумяненной щекѣ, вотъ, точно, какъ капля росы на почкѣ майской розы, а другая скатилась и упала въ ложку со щами, которую она подносила въ то время къ своему алому роту. Оesia проглотила эту слезу вмѣстѣ съ похлебкой.

Степанида Петровна, какъ вѣжливая мать, замѣтила все это и сказала:

— Ты встала бы, Осиичка, отъ стола, да приняла готманскихъ капель на сахарь... У тебя, вѣрно, глисты подступили къ сердцу...

— Ничего, маменька!

— Гдѣ ужъ ничего! Ты и дышешь какъ-то тяжело, и слезы изъ очей выступаютъ, и раскраснѣлась... точно бурка!

— Да, да! ты раскраснѣлась, какъ маляна! сказалъ довольно громко Онуфрій Лукичъ, желая рѣчью своею заглушить вѣскольکو грубое сравненіе Степаниды Петровны.

— Ничего, папенька! пройдетъ! отвѣчала Осея, поправляя ручкой пелеринку, подъ которой высоко вздымалась ея грудь.

Въ продолженіе обѣда, Онуфрій Лукичъ разговаривалъ съ своими гостями о винокурениі и о настоящей дороговизнѣ хлѣба; Степанида Петровна изрѣдка вмѣшивалась въ разговоръ, Осея молчала.

Когда лакей обнесъ вкругъ стола девятое, или чуть-ли не десятое блюдо, они встали и ушли въ гостиную. Тамъ уже стояла Горпинка, одѣтая въ праздничное платье, въ бшмакахъ на босую ногу, держа въ рукахъ поднось, уставленный вареньями многообразныхъ сортовъ. Завареньями слѣдовала яблочная *постила*, за постилой мочевые яблони и конфекты, а за *опыми* кофе со сливками съ поджаристой пѣлкой.

— Bon Dieu! quand tout cela finira? проговорилъ нетерпѣливый Евгений и подошелъ къ окну. Съ радостію увидѣлъ онъ стоящую подлѣ крыльца коляску, запряженную въ шесть лошадей, съ форрейторомъ и поспѣшилъ тотчасъ сообщить своему товарищу это пріятное извѣстіе. Товарищъ его снѣлъ теперь подлѣ Осеи и разговаривалъ съ ней, прихлебывая, изрѣдка, кофе изъ чашки.

— Сдѣлай одолженіе, Оедоръ, допивай скорѣе свой кофе, да отправимся: коляска уже подана! сказалъ Евгений шопотомъ.

— Еще успѣемъ пріѣхать! отвѣчалъ ему потихоньку Оедоръ: подожди съ полчаса! Славные люди!..

— Вотъ-на! Ну, что же тебѣ за охота толковать съ ней?.. Переливаетъ изъ пустаго въ порожнее! говорилъ Евгений въ полголоса. И нашелъ съ кѣмъ толковать? Сдѣлай же одолженіе распрощайся скорѣе: *насъ ожидаютъ*...

Но, къ чрезвычайной досадѣ Евгения, Оедоръ и не думалъ прощаться, а продолжалъ, какъ выразился Евгений, *переливать съ Осеей изъ пустаго въ порожнее*. Наконецъ слуга провозгласилъ что «коляска подана». Нечего было дѣлать! Оедоръ допилъ свой кофе и подошелъ къ Онуфрію Лукичу проститься. Онуфрій Лукичъ поцѣловалъ его два раза въ губы и одинъ разъ въ плечо, въ знакъ своего уваженія. Простившись съ Онуфріемъ Лукичемъ, Оедоръ подошелъ къ рукъ Степаниды Петровны и поцѣловалъ бѣлую руку Осеи.

— Adieu, мосье Гоголь! сказала она, улыбувшись и устремивъ свои черные глаза на Оедора; потомъ она вдругъ опустила ихъ на полъ, какая-то болезненная грусть замѣнила ея улыбку, она покраснѣла и сказала съ женской стыдливостію: «я васъ никогда болѣе не увижу!»

— О, пѣть... пѣть... Мы увидимся!.. Только извините меня: прѣдъ вашимъ папилькой... Я не Гоголь, я Оедоръ Вжидечко...

— Какъ? воскликнула въ удивленіи Осея, снова устремивъ глаза на Оедора. Но, ни восклицаніе ея, ни слова Оедора не были услышаны Онуфріемъ Лукичемъ, потому что онъ, въ это время, прощался съ Евгениемъ.

— Желая вамъ, милостивый государь, поспѣши и благопріятно окончить ваше дѣло! говорилъ Онуфрій Лукичъ, цѣлуя Евгения. Онъ проводилъ своихъ гостей на крыльцо.

— Я долженъ просить у васъ извиненія, началъ было говорить Оедоръ, пожимая руку Онуфрія Лукича.

— Нѣтъ, я долженъ извиниться прѣдъ вами, прервалъ его Онуфрій Лукичъ:—я долженъ извиниться прѣдъ вами, что уѣдъ стили васъ во такъ, какъ быгъ мнѣ желательно было... Вашъ пріѣздъ былъ такъ неожиданъ...

— Извините меня, что я... Она толь-

ко крайность... Пожалуйста, не припишите чему-нибудь дурному....

— Ахъ, перестаньте! перестаньте! я же вамъ говорю, что я долженъ благодарить васъ за честь, которую вы мнѣ оказали вашимъ поствіеніемъ... Я расскажу всему Галцкому уѣзду, какого гостя принималъ я въ моемъ домѣ... только, ужъ, сдѣлайте одолженіе, прибавилъ Онуфрій Лукничъ, если задумаете что-нибудь повенкое... Этакъ въ родъ *Ревизора*... Не помяните меня лихомъ, а если бы можно доброе словечко обо мнѣ замолвить—замолвите: буду вамъ крайне благодаренъ!

— Вы меня все таки принимаете за литератора!... Право, мнѣ совѣстно; какъ честный человекъ утверю васъ, что я отъ рожденія моего никогда ничего не печаталъ... Скажу болѣе, — я не Гоголь...

— Нѣтъ, ужъ, сбросьте съ себя ваше невкогнито, сказалъ Онуфрій Лукничъ, съ самодовольной улыбкой: я васъ узналъ!... ей, узналъ — съ перваго раза... съ одной вашей улыбочки...

— «*Mais finissez donc, Théodor!*.. Прощайте, Онуфрій Лукничъ! проговорилъ нетерпѣливый Евгений — и сѣлъ въ коляску. Онуфрій Лукничъ помогъ Федору влѣзть въ экипажъ... Кучеръ хлопнулъ бичемъ... Коляска потъхала...

Желая перелать вамъ во всей подробности происшествіе, случившееся съ моими героями, я долженъ упомянуть здѣсь, что коляска, въ которой сидѣли наши герои, быстро мчалась по широкой *сагайдашной дорогѣ*, — по той самой дорогѣ, по которой, когда-то, проѣзжалъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, германъ Сагайдашный и такъ хитро скрылъ свой путь отъ князя Ромодановскаго (*). Кучеръ, въ надеждѣ получить на водку, болро сидѣлъ на козлахъ, весело насвистывалъ, размахивалъ кнутомъ и порою приговаривалъ:

Гей, вы! живѣй! съ горки на горку!
Павъ дастъ намъ на водку.

Когда путешественники наши проѣхали извѣстный въ Галцкомъ уѣздѣ

льсь Масюка и взорамъ ихъ открылась поворамъ Галича, Евгений улыбнулся и сказалъ:

— А что-то подтлываютъ теперь наши? Думаетъ-ли обо мнѣ моя Група?

— Счастливецъ! объ тебѣ есть кому думать! проговорилъ Федоръ — и вздохнулъ.

— Ого! объ комъ ты это такъ тяжело вздыхаешь? Всѣ по той же блѣднотлицей красавицѣ, что осуществила для тебя *Адельгонду* Гофмана?

— А ты узналъ ее?

— Кого?

— Ну, эту дѣвушку... дочь Гниды?

— Мудрено мнѣ было узнать ее, когда я въ первый разъ въ жизни ее увидѣлъ!

— Нѣтъ, во второй... Какъ же ты не разглядѣлъ ее? — вѣдь это она...

— Кто она?

— Моя незнакомка, съ которой я танцевалъ въ Полтавѣ, на вечеринкѣ у Фобровой.

Евгений свиснулъ, сдвинулъ плечами въ знакъ удивленія, и сказалъ:

— Фу, ты, въ самомъ дѣль! — да это романъ на большой дорогѣ!

Пускай романъ! срибавимъ мы отъ себя: позвольте спросить, что же въ немъ *нестественнаго*?

III.

Amor, che al cor gentil ratto si
apprende.

Dante.

Черезъ шесть мѣсяцовъ послѣ описаннаго нами происшествія, въ домѣ Онуфрія Лукнича происходила суматоха. За дубовымъ столомъ сидѣли нѣсколько *дивчатъ* и занимались шитьемъ дамскаго платья. Степанида Петровна, надѣвъ очки, вдергивала нить въ ушко иглы и тоже намѣревалась приступить къ работѣ. Онуфрій Лукничъ приказывалъ лакеямъ, чтобы подлѣ крыльца было усыпано пескомъ, да чтобы деревянныя колонны, поддерживающія навѣсъ крыльца, были обиты полевыми цвѣточками. «Смотрите мнѣ, хлопцы, чтобы къ послѣ-завтрему все у насъ было въ исправности!» говорилъ онъ, затягиваясь табачнымъ лымомъ и уходилъ въ свой садикъ, прохаживаясь по аллеѣ, все размышляя о чемъ-то и снова возвращаясь въ комнату для

(*). См. Исторію Малороссіи.

совѣщавія съ Степавидой Петровпой. Одна Оеся не принимала никакого участія въ этой суматохѣ и, погруженная въ мечты, сидѣла подлѣ раскрытаго окна въ саль. А въ саликѣ было такъ весело! Черешневые деревья и яблони цвѣли, наполняя воздухъ ароматомъ; ласточки, обляпавшія спаружи домикъ Оууфріа Лукича своими глѣздышками, шибетали надъ головой Оеси; ручиой журавль стоилъ на одной ногѣ, смотря на захолящее солнце; подлѣ него чирикала стрекоза; а подлѣ вѣтвями черемхи заливался соловей... Въ это время въѣхала на дворъ Оууфріа Лукича коляска и остановилась подлѣ крыльца; изъ нея вышли двое молодыхъ мужчинъ. Оеся такъ занята была своими мечтами, а Степавида Петровна своей работой, что оны и не замѣтили какъ вошли въ комнату пріѣхавшіе.

— Рекомендую вамъ, Степавида Петровна, моего пріятеля... Впрочемъ, вы ужъ знакомы съ нимъ немпожко... Узнали? говорилъ одинъ изъ пріѣхавшихъ, подводя къ Степавидѣ Петровнѣ своего товарища.

— О, какъ же? узнала! узнала! отвѣчала Степавида Петровна, улыбаясь и качая головою.

— *Воп jour, Téodosie!* сказалъ потомъ молодой человекъ, подойди къ Оесѣ. Онь поцѣловалъ ее.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату Оууфріа Лукичъ. Молодой человекъ снова подошелъ къ своему товарищу, взявъ его за руку, подвелъ къ Оууфрію Лукичу и сказалъ: —рекомендую вамъ

моего пріятеля Евгенія Ситечко, котораго я пригласилъ быть моимъ шаферомъ.

— А! старый знакомый! воскликнулъ Оууфріа Лукичъ, и сильно сжалъ руку Евгенія.

— Проказники! проказники! славиую комелію вы сыграли! замѣтила Степавида Петровна, улыбаясь и грозя указательнымъ пальцемъ, па который надѣтъ былъ мѣдный наперстокъ.

— А глѣ жъ ваша супруга? спросилъ Оууфріа Лукичъ Евгенія.

— Она не пріѣхала... отвѣчалъ Евгеній, слегка покрасивъвъ. Извините! Она очень желала быть на свадьбѣ вашей дочери, но медикъ запретилъ ей выѣзжать въ тспершевемъ ея положеніи...

— Оеся?... а Оеся? кто-жъ будетъ держать вѣнецъ надъ тобой во время вѣчанья? спросилъ Оууфріа Лукичъ, но вопросъ его остался безъ отвѣта, потому что Оелора и Оеси уже не было въ комнатѣ. Они ушли въ саль, — и дальше отъ посторопниаъ.

Счастливые, самовольные, полные любви, полные блаженства, шли они по дорожкѣ, обсаженной цвѣтушими черешнями.

Смерклоось... Соловей замолкъ... Все стихло... Наступила торжественная минута безмолвія... Природа отдыхала... Вечеръ пахнулъ чебрецомъ и туберозой... Круглая луна, какъ брачный венець, повисла надъ юной четой...

Н. КОВАЛЕВСКІЙ.